Шпальдинг Иоганн Иоахим

Размышление о предназначении человека[1]

...quod... ad nos pertinet et nescire malum est agitamus...[2]
Horatius

[Введение][3]

Quid samus? Et quidnam victuri gignimur?[4]
Perseus[5]

Я вижу, что то короткое время, которое я должен жить в мире, я могу провести согласно совершенно разным основополагающим правилам, ценность и последствия которых поэтому также не могут быть одинаковы. Так как я бесспорно нахожу в себе умение выбирать и в своих решениях предпочитать одно другому, я не должен здесь повиноваться слепому случаю, но должен прежде всеми силами стараться решить, какой путь самый надежный, самый подобающий и самый выгодный. Некоторые опыты в отношении вещей менее значительных научили меня, что мне не подвластно мучительное чувство стыда за совершенные поступки; тем более я упрекал бы себя за них,

---

[1] Перевод первого издания 1748 г. осуществлен по изданию: *Spalding J. J.* Die Bestimmung des Menschen. Die Erstausgabe von 1748 und die letzte Auflage von 1794 / Hrsg. von W. E. Müller. Waltrop, 1997.

[2] «Наш разговор... [о] то[м], что нужнее, что вредно не знать человеку» (*Horatius*. Saturae. II, 6: 72-73). Перевод по изданию: *Гораций Флакк К.* Собрание сочинений: Пер. с лат. М. Дмитриева. СПб., 1993. С. 275.

[3] Названия разделов являются позднейшей вставкой. Впервые они появляются в седьмом издании рассматриваемого труда, вышедшем в 1763 г.

[4] «что мы такое, и для какой жизненной цели родимся на свет» (*Persius*. Saturae. III, 67). Перевод по изданию: Сатиры Персия: Пер. с лат. Н.М. Благовещенского. СПб., 1873. С. 173.

[5] Авл Персий Флакк (лат. Aulus Persius Flaccus) (34–62) – римский поэт, сатирик, друг Сенеки и Лукана. Шесть его сатир были изданы уже после его смерти его учителем Корнутом.

если бы не задумывался самым серьезным образом над тем, от чего зависит моя собственная ценность и устроение всей моей жизни. Но единственно, что достойно труда узнать, – почему я здесь и кем я в соответствии с разумом должен быть.

Примеры окружающих меня людей не могут служить мне здесь надежной порукой, а если бы и могли, то они так бесконечно отличны друг от друга, что я, ища среди них проводника, был бы в еще большем замешательстве и затруднении, чем, если бы разыскивал исправнейший путь самостоятельно. Если я последую за толпой, то я в любом случае уверен, что буду либо осмеян, либо проклят другими. Я не могу противопоставить этой неприятности ничего более сильного, чем достоверность, проистекающую из исследования, и я надеюсь, что она в во всяком случае сделает меня равнодушным как к первому, так и ко второму.

Насколько я могу понять, обычное стремление к богатству и славе, если они не рассматриваются только лишь как средства к более подлинным намерениям и благам, не могут соответствовать истинным целям человека[6]. В таком счастье столько пустого, фальшивого, основанного на одном лишь воображении, что я несомненно могу оказаться в тысячу раз большем горе, если я разом исполню все свои намерения. Если бы моя природа была не способна на более подлинные ощущения наслаждения и боли, а мои фантазии и представления находились бы неизменно в моей власти, я мог бы, не сомневаясь, полагать мое счастья в фантазиях и представлениях и предаваться им с непоколебимой страстью. Однако в этом отношении я гораздо отчетливее осознаю противное. Пока нечто более существенное, что может возбудить мою склонность, наличествует в природе, я не могу оправдаться перед самим собой, если я останусь пребывать в мечтах.

[Чувственность][7]

Такого рода более существенным без сомнения является удовольствие чувств. Я признаю: оно действует на меня с завораживаю-

[6] Ср.: *Thomasius Chr.* Von der Kunst Vernünfftig und Tugenhafft zu lieben. Halle, [4]1706. S. 58 (Hauptstück 2, § 5).

[7] Примечательно, что термин «чувственность» (Sinnlichkeit) в первой половине XVIII в. употребляется крайне редко и не является особым термином. Его постепенное вхождение в философский обиход начинается только со второй половины XVIII столетия. Но даже после выхода в свет «Критики чистого разума» можно констатировать, что это понятие еще долгое время остается чуж-

щей силой. Разве я не должен этого искать и этим наслаждаться? – Кажется, что стремление к удовольствию, так глубоко заложенное в моей душе, оправдывает это, если я полностью предамся этому роду страстей. Чего я желаю еще, кроме удовольствия, когда, по всей видимости, я создан для удовольствия? – И чего мне не достает в удовольствии, если я ни в чем не могу себе отказать? Это основоположение, как кажется, прочно поддерживается опытом. Когда я представляю себе сладкий дурман, в котором непрестанная смена чувственных наслаждений может сопровождать меня на протяжении этой короткой жизни, мне кажется, что мне нечего больше желать. Почему я должен начинать бороться с зарождающейся во мне страстью, когда она в награду за ее осуществление обещает мне несомненное увеселение? Почему я должен, опасаясь будущего, вызывать к жизни отдаленные, неопределенные, возможно воображаемые последствия, чтобы отравить себе время, которое я мог бы между тем направить на возбуждение новых склонностей и удовлетворение их на новый манер? Чего не достает тем опьяненным сладострастием людям? И чего будет не хватать мне, если я последую их примеру? Чего будет мне не хватать, если я буду постоянно занимать свою душу, предоставляя ей то, чего она сама требует, и присоединять одно удовольствие к другому так, что между ними не будет пустого места, которое могло бы мучить ее отвращением или потрясти ее размышлениями? Природа и общество являются неисчерпаемыми источниками этого наслаждения, которые не оставят мои чувства бездействовать, если я только захочу их им посвятить.

Эти уговоры сильны; но мне кажется, что их сила имеет в себе что-то дикое и оглушающее, что не может еще дать душе достаточно покоя; поэтому я должен еще раз хладнокровнее их исследовать.

Того, что я замечаю на многочисленных примерах тех, кто действует по прежним основополагающим правилам, уже достаточно, чтобы пробудить во мне некоторое недоверие к связности моих суждений. Я наблюдал их наслаждение; я наблюдал их страсти, удовлетворенные сразу же по их зарождению; я наблюдал, с какой быстро-

---

дым философско-теологическому языку и не является в строгом смысле термином, с четко очерченным кругом значений (см.: *Nakazawa T.* Kants Begriff der Sinnlichkeit. Seine Unterscheidung zwischen apriorischen und aposteriorischen Elementen der sinnlichen Erkenntnis und deren lateinische Vorlagen. Stuttgart-Bad Cannstatt, 2009. S. 51–58). Шпальдинг, внесший в свое издание 1763 г. название раздела «Чувственность», таким образом, является важной вехой на пути становления данного понятия (см.: Op. cit. S. 81–83).

той они спешили от одного увеселения к другому, с какой бдительностью они старались не упустить ни одно из удовольствий, что стремились ускользнуть от них, с какой торжествующей силой они держали взаперти унылую и размышляющую часть их души. Это было море сладострастия, в котором они купались. Но этого состояния больше нет, и изменение трагично. Тот томится в нужде, которая лишает его вместе с дорогим и надуманным удовольствием также простого и естественного; другой изнемогает от болезней и болей, которые не позволяют ему испытать ничего приятного. Первое, как и второе, есть собственное следствие их пыла, с которым они следовали главному основополагающему правилу: ни в чем себе не отказывать. Бесконечно многого недостает, чтобы воспоминание о сладострастии, которым они упивались, или об усилиях, с которыми они стремились к нему, могло дать им сейчас берущее верх успокоение. Они становятся для них, скорее, такими многочисленными фуриями, что разрывают их изнутри.

Это меня ужасает. – Хотел бы ли я оказаться на их месте? Хотел бы ли я подвергнуть себя пусть и только вероятной опасности когда-либо оказаться на их месте? Должен ли я пребывать на свете для того, чтобы делать все, что ублажает ощущения моих чувств? – Досадно, что при наиболее желанной вещи на свете, удовольствии, возможны дурные последствия; но этого я совсем не могу изменить. Следовательно, в этом правиле я должен только позаботиться об ограничениях. Я должен так использовать удовольствие чувств, чтобы обезопасить себя от его дурных плодов. В этом состоит великая наука, над которой так долго работали светлейшие головы; это их единственная главная наука жизни[8]. Правда, не менее ценно искусство, которое учит меня извлекать из сладострастия усладу, не натыкаясь на его шипы; и если это должно произойти посредством ограничения и воздержания, чего-то мне стоящих, цена, за которую я могу выкупить освобождение одновременно как от отвращения, так и от последующих страданий, все же не слишком высока. Возможно, я испытаю меньшее наслаждение, но оно будет ощутимее и продолжительнее. При этом мне в сердце не закрадываются гложущие заботы, доступные только при удовольствии. В результате этих утех хотя и остается место для размышления и осмотрительности (Fürsichtigkeit),

[8] Ср.: *Kant I.* Bemerkungen zu den Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // AA. Bd. XX. S. 45; T. 2. C. 373. Ср.: *Thomasius Chr.* Von der Kunst Vernünfftig und Tugenhafft zu lieben. Halle, [4]1706. S. 76–77 (Hauptstück 2, § 46), S. 112 (Hauptstück 2, § 126).

но не для печали, упреков и пугающих фантазий. Я не притесняю мой разум; я использую его соответственно его цели и позволяю ему служить ощущениям, так как я живу для того, чтобы ощущать. И тогда моя жизнь спокойно протекает как тихий ручей среди сплошных цветов. – А тогда обычный сластолюбец был бы тем, что природа хотела бы от человека.

По этой моей новой системе я наслаждаюсь на протяжении некоторого времени утехами этой жизни со всей осмотрительностью и заботливостью. – И тем не менее случаются определенные моменты, когда мне как будто чего-то не хватает. Я не могу, как бы я не старался, избежать отвращения и скуки; я становлюсь недовольным; все, включая меня самого, становится мне в тягость. Я отвлекаюсь, но вскоре я замечаю, что я хотя и позабыл на непродолжительное время свое неудовольствие, но не устранил его. Я нахожу себе прибежище в своих обычных удовольствиях, в наиболее безобидных, которые я знаю; но в эти мрачные часы я словно теряю вкус к ним; они не являются тогда тем, что может меня удовлетворить; моя привередливая душа отталкивает их от себя и остается в своем неопределенном и безнадежном смятении. Именно это мрачное чувство тоски и некой потаенной пустоты во мне придавливает меня к земле, пожирает меня. О, я несчастный! Чего же я хочу? И как мне помочь?

По крайней мере, мне ясно, что приятное движение моих чувств наполняет не всю мою душу; что должны иметься еще словно бы незаполненные бездны, требующие удовлетворения совсем иного рода. Но где я найду это другое удовлетворение? Где я найду ту неведомую пищу, которой мой опустошенный дух страждет со страхом и беспокойством?

[Удовольствие духа]

Когда я, не будучи отуманен моей чувственностью, ухожу в себя самого, я хорошо вижу, что истинные улучшения, совершенства и выгоды меня самого во мне возможны; что моя природа внутренне побуждает меня стремиться к этому и что достижение этого стремления пробуждает во мне благорасположение, в котором моя душа находит большее успокоение, чем в пустых брожениях чувственных удовольствий. Здоровье, силы и ловкость моего тела сами по себе заслуживают моей заботы, даже без непосредственного взгляда на увеселение, которому благодаря им мои чувства могут стать причастны. Еще больше удовлетворят меня достоинства и силы моего духа, если

я их распознаю и увижу возрастающими. Я нахожу, что я настолько лучше, что я принадлежу к настолько высшему порядку, насколько усиливается разносторонняя способность, которую я осознаю. Я занимаюсь этим не без ощущения завораживающего наслаждения. Я собираю все вместе, мне необходимо все, чтобы сделать свой дух совершеннее. Я стремлюсь обогатить свою память, прояснить свои понятия, заострить мое остроумие, расширить и укрепить свои горизонты. Я не устаю постоянно поэтапно совершенствовать эти мои способности. Я забочусь о себе, о моих истинных выгодах, и я рад, что я ими обладаю.

Это все сообразно моей природе, но этого еще недостаточно. Я вижу вокруг себя других существ, и я спрашиваю себя при этом: они все здесь ради меня? Не имеют ли они никаких иных целей, кроме моего блага (mein Bestes)? Не существует ли между мной и ими никаких иных отношений, кроме того, что я, прямо как центр, могу притягивать все остальное к себе? Не обязан ли я себе всем, а всем остальным существам как таковым – ничем? И не имею ли я никакой другой природной цели, никакого другого природного стремления в своей душе, кроме своей выгоды?

[Добродетель]

Здесь я снова обращаю внимание на себя самого и на то, что в различных обстоятельствах нашло во мне свое выражение, и тогда я неопровержимо узнаю, что существует еще что-то большее, к чему склоняется моя душа и что ей подобает. Я многосторонне воспринял в себя к своему удивлению стремления и ощущения, которые я совершенно не могу причислить к стремлениям, к чувственному удовольствию или к собственной выгоде и которые я совершенно не могу с ними совместить. Откуда же проистекает увеселение от добрых качеств и от счастья других существ? И откуда трогательное удовольствие или неудовольствие от поступков, которые я считаю приличными или постыдными? Что же мне мешало умолчать после смерти моего благодетеля о тайно доверенном мне имуществе и отнять таковое у его бедствующего брата?[9] Что было причиной живого удо-

[9] Ср.: *Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft (KpV). A 49; КПР. С. 341. Здесь и далее печатные произведения Канта цитируются по изданию Вильгельма Вайшеделя: *Kant I.* Werke in sechs Bänden. Darmstadt, 1998; по приведенной там пагинации: «А» соответствует первому изданию, а «В» – второму. Русский пе-

вольствия, с которым я того невиновного незнакомца вызволял из опасности, в которой он оказался из-за ложного обвинения? – Все это может происходить от чего угодно, но я явно вижу, что оно не имеет своим источником стремление к чувственному наслаждению или к моему собственному улучшению. Значит, должен существовать совершенно иной источник склонностей во мне, нежели этот. И если это не фантазия или же если эта фантазия находится вне моей произвольной власти, если она для меня естественна и неизменна, то я обязательно должен заботиться о ее удовлетворении. Это достойно всей полноты моей убежденности, даже если выгоды и удобства моей прежней философии тем самым снова должны быть принесены в жертву.

По правде, я не могу отрицать: я чувствую в себе ощущения, при которых я забываю самого себя, и которые нацелены не на меня и не на мою выгоду в той мере, в какой я являюсь этой целью, и в какой это моя выгода, но которые нацелены на что-то совсем иное; ощущения доброты и порядка, которые не создаются одной лишь моей волей и которые одна лишь моя воля не может уничтожить; изначальные и независимые стремления моей души к тому, что подобает, к тому, что прилично, великодушно и справедливо, к красоте, согласию и совершенству вообще, а особенно в действиях рассудочных и свободно действующих существ.

Иначе что должен был бы я делать из стыда, из этого тягостного и так существенно отличающегося от страха ощущения? Чем было бы так часто отвлеченное от всех опасений вреда раскаяние? Откуда бы происходило огромное различие негодования при одинаковом ущербе, причиненном мне животным, ребенком или безумцем, или, напротив, умышленно и со злости обычным рассудочным человеком; если в моем духе не было бы отпечатано естественное понятие о приличном и постыдном, о красивом и уродливом, о законе и беззаконии?

Возможно, это естественное ощущение сразу же, с самого начала, было подавлено оглушающей силой чувственности, которая в мире

ревод «Критики практического разума» (КПР) будет цитироваться по изданию: *Кант И.* Сочинения на русском и немецком языках: В 4 т. / Под ред. *Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга.* Т. 3. М., 1997. Русский перевод «Критики чистого разума» (КЧР) будет цитироваться по изданию: *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. Иные русские переводы будут даваться с указанием на соответствующий том издания: *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. *А.В. Гулыги.* М., 1994.

сразу же со всех сторон меня окружила и одолела; но затем мое более тщательное и пристальное внимание сразу показало мне, что это было недостатком, действительным злом в моей природе, которое также могло проистекать из каких угодно причин. И если я сам, напротив, при помощи воспринятых навыков делают так, что эти особые стремления уже не так сильно действуют в моей душе, что они уже не так громко говорят против высшей власти других чувственных и своекорыстных склонностей, то и в этом случае я хорошо осознаю, что это мне чего-то стоило, прежде чем я подвел их под это ярмо; так как и природа дерева растет и покоряется не без принуждения со стороны воли садовника. До тех пор пока я еще не дошел до этого, я постоянно чувствую эту отчетливую разницу моих стремлений, из которых одни направлены исключительно на меня, а другие – на общее благо или на то, что само по себе *до*бро и красиво; хотя для них для всех, как первого рода, так и второго, общим является то, что их осуществлению сопутствует удовольствие.

Таким образом совершенно отпадает предположение, что те стремления к справедливости и добру могут быть во мне предрассудком, результатом воспитания. Ибо если это возможно, то я не знаю, почему мои стремления к наслаждениям чувств и к моему благу не должны в равной степени быть предрассудком, результатом воспитания. Столь же достоверно, как я желаю почувствовать что-то изящное или стать причастным какой-то выгоде, столь же очевидно я желаю получить это, скорее, без вреда незнакомцу или невиновному.

Здесь я собственно нахожу источник того, что благородно и прекрасно в поступках; подлинную и огромную разницу между порядочным и полезным[10]. Действие может быть для меня выгодным; потому оно может называться благоразумным и рассудительным; но оно не может называться благородным и прекрасным действием, если оно не имеет своей собственной целью благо других или всеобщее благо (das Beste). Весь мир обладает этими понятиями и использует их в самых обыденных обстоятельствах человеческой жизни.

Определенно некий вид склонностей представляет собой источник поступков во мне, который сущностно отличается от моего самолюбия, но так же сущностно принадлежит к моей природе. Я нахожу

[10] Здесь достаточно легко угадывается идея разделения между благоразумием и этикой, имевшая особое значение для моральной философии Канта, но встречающаяся также и у его предшественников. Подробнее об этом см.: *Schwaiger C.* Kategorische und andere Imperative. Zur Entwicklung von Kants praktischer Philosophie bis 1785. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1999. S. 55.

этот принцип обладающим такой силой, что он часто становится хозяином всей моей души, что он словно поглощает все другие ощущения и один наполняет меня либо наслаждением, либо муками. Когда я при взгляде внутрь себя самого воспринимаю правильность в моих ощущениях, порядок в моих стремлениях, согласие в моих поступках; когда я вижу, что в моей душе все истинно, что в ней все определено согласно сущностным отношениям между вещами, тогда этот взгляд пробуждает во мне сладостное наслаждение, торжествующее над всем чувственным неудовольствием. Но самые оживленные увеселения чувств, напротив, не способны меня удовлетворить, когда я, терзаем видом внутреннего расстройства, напрасно стремлюсь убежать от себя самого и спрятаться от преследований внутреннего обвинения в оргии телесных утех.

Так как я не могу отрицать этого исконного устройства моей природы, я тем самым явно противоречил бы сам себе, если бы возжелал направлять все мои замыслы не иначе, как на себя самого, на мое наслаждение и к моей выгоде.

Напротив, я вижу, куда ведет меня моя природа, моя целостная природа, когда я рассматриваю ее подлинно и неискаженно; и я хочу следовать за ней туда, куда она меня ведет.

Я хочу искать своего наслаждения и своей выгоды, но я хочу искать не только их, так как я не могу положить всю мою цель и всю мою ценность в них.

Это тело, которое я имею, должно поддерживаться, и это сообразная разуму цель, к которой меня направляет укорененная во мне жажда чувственного наслаждения. Я сам – часть целого и себе самому самый близкий; я не могу никого использовать также быстро, также легко, как себя самого; поэтому мне приходится так кстати стремление, которое в особенности меня побуждает обращать внимание на то, о чем я могу позаботиться в первую очередь. Я также знаю, что страдания и неприятности, атакующие мою чувственность, вместе с тем всякий раз в некоторой степени ослабляют и мое более возвышенное удовольствие; поэтому я хочу стремиться к тому, чтобы также повиноваться этому голосу природы, который приказывает мне их избегать.

Между тем моим главным делом постоянно должно оставаться, чтобы я не угнетал более возвышенные и благородные стремления моей души, не переставал обращать на них внимание, т.е. те стремления, в отношении которых я отчетливо познаю, что они должны управлять по справедливости.

Я хочу стремиться к тому, чтобы моя склонность доброты, которая во мне укоренена, все больше усиливалась и удовлетворялась всеми возможными способами. Счастье человечества, которое меня так умиляет, неизменно должно быть предметом моих самых серьезных устремлений и моего собственного счастья[11]. Когда я вижу защищенным невиновного, нашедшим помощь убогого, спасенным нуждающегося, я хочу полностью предаться удовольствию, которое я в связи с этим чувствую, и почел бы за честь наличие у мене этой впечатлительности моей души, так как она так глубоко и так сущностно основывается в моей природе. Как должен я желать быть счастливым и все же оставаться бесчувственным к делам тех, кто желает этого в той же мере, что и я? Нет! Во мне есть законодатель, который требует совсем иного и которого я должен слушать. Справедливость по отношению ко всем людям, искренность во всем моем поведении, благодарность по отношению к Отчизне и благодетелям, великодушие даже к врагам и всеобщая любовь в самом широком понимании. Эти естественные и непосредственные истечения внутренней правоты, в которой заключается здоровье и краса моего духа, именно это должно являться самым приятным и самым постоянным моим делом. Я хочу приучить себя к тому, чтобы везде, где я вижу добро, удачу, красоту, порядок, видеть их с наслаждением.

Осознавая отчетливейшим образом, сколь разнообразно вещи соотносятся друг с другом и ведут себя по отношению друг к другу и в каком чудесном отношении к остальному миру я сам нахожусь, я должен сделать моей непрестанной заботой, чтобы мои ощущения, склонности и поступки смогли наиточнейшим образом согласоваться с этим поведением. Я не могу сделать так, чтобы человек, который стал моим благодетелем, таковым бы не был; я не могу сделать так, чтобы некое существо, которое лучше и совершеннее меня, было бы таким же, как я, или хуже меня; как бы бессмысленно это было, если бы я желал отказать первому в свей благодарности, а второму в своем уважении? Если бы я желал таким образом воспротивиться неизменному существу вещей и восстать против наивысочайшего закона истины?

Так я узнал вечные нормы права и порядка. Я узнал, что не в моей власти изменить ни отношения вещей между собой, из которо-

[11] Ср. с кантовским всеобщим счастьем как цели в идеи царства Божия (этического общежития, corpus mysticum) (*Kant I.* Kritik der reinen Vernunft (KrV). B 836-838 / A 808-810; КЧР. С. 473–474; *Kant I.* Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft. B 135-136 / A 127-128; T. 6. C. 102).

го возникают эти нормы, ни так же мои ощущения о них. Таким образом, не существует иного пути для меня, если я не желаю сам себя проклясть, кроме как вести себя сообразно с ними.

Моя ценность и мое счастье должны состоять в том, чтобы господствующие суждения истины, незаглушаемые суматохой страданий и своекорыстных стремлений, одни руководили моими поступками; чтобы чистое ощущение того, что прилично, составляло бы мою собственную высшую обязанность и чтобы я вообще в любой момент моей жизни был бы тем, к чему меня определяют моя природа и всеобщая природа вещей.

Посредством этого в моей душе достигается уравновешенность, радостное состояние духа и спокойствие, намного превосходящее нападки более поверхностных неприятностей. Правда, я не огражден от тягостных обстоятельств, которые в таком разнообразии сопровождают человеческую жизнь; зато я огражден от мук стыда и раскаяния, которые эти обстоятельства и делают всегда самыми тяжелыми. Все зло, что может меня встретить, простирается не далее, чем на мою плоть, и не распространяет свое опустошение на мою душу, пока я при хладнокровном созерцании сам себя одобряю и пока я могу себе сказать: я делаю то, что я должен делать; я являюсь тем, чем я должен быть. Только это является неисчерпаемым источником хладнокровия (Gleichmütigkeit) и покоя (Frieden), который в своей тишине более ценен, нежели шум чувственных развлечений. Если чувство этого возвышенного увеселения сразу с самого начала во мне ослабло, то сразу же с самого начала я неопровержимо нашел его правильным и истинным; и чем больше я затем упражнял мой вкус в истине, красоте и порядке, тем утонченнее становилась эта ощущающая способность моего духа и тем живее это наслаждение. Это устроение моей души я привношу во все обстоятельства, куда меня бросает моя судьба; и чем бы я в противном случае ни был в мире, я все же внутренне счастлив, так как я праведен.

Кроме того, также и вся природа служит тому, чтобы увеличивать мое удовольствие. С тех пор как я начал не пренебрегать какими-либо следами красоты и закономерности, я нахожу их во всем, что я вижу вокруг себя. Все есть порядок; все есть пропорция; все есть, следовательно, новый предмет благорасположения, любви и радости. Насколько же для меня безразличны и презренны те слепящие мерцания видов и роскоши в сравнении с живым блеском по истине прекрасного мира, в сравнении с впечатлениями веселости, спокойствия и восхищения от зеленых полей, от журчащего ручья, от сладостного

страха ночи или от величественного явления неисчислимых миров! Даже самые близкие и обыденные образы природы доставляют мне в тысячу раз большее увеселение, если я ощущаю их душой, которая склонна к радости и восхищению и не носит в себе самой, в ее собственной безрассудности естественные семена неудовольствия. Эта моя душа охватывает всю природу неким видом любви, более возвышенным, чем тот, который происходит от чувств; поэтому и ее удовлетворение то же не заключено в этих узких и изменчивых границах. Я с наслаждением забываю себя в соображениях этой всеобщей красоты, чьей не уродующей частью я стремлюсь быть.

[Религия][12]

Но следуя все дальше за этими мыслями, заводящими меня столь далеко, я достигаю понятия, побуждающего меня к еще большему восхищению. – Существа, которые уже в своих ограничениях столь прекрасны; миры, столь правильные в своих частях и соединениях; целостность, упорядоченная от мельчайшей пылинки до неизмеримого протяжения, полная закономерности во всех своих законах, телах, равно как и духах; целостность, многообразная и все же посредством точнейшей связи единая; это дает мне представление о прообразе совершенства, об изначальной красоте, о первом и всеобщем источнике порядка. – Какая мысль! – Значит, есть что-то, независящее от всего, чем я до этого восхищался? Значит, есть что-то, от чего все части природы получают свою согласованность, свои отношения и притягательность? Рассудок, думающий за целое, устраивающий и руководящий целым? Дух, сообщающий всем вещам посредством непостижимых истечений существование, протяженность, силы и красоту? – Здесь моя удивленная душа простирается до бесконечного. Мне кажется, что я ощущаю, с завораживающим содроганием, реальность этого высшего духа. – Воистину, Он любит меня, он действует во мне! Чем бы я был без него? Что бы я мог? Я, совершенно точно знающий, что меня когда-то не было и что я не сам придал себе жизнь?

И что за ощущения во мне должны приличествовать в отношении этого существа, в котором все мои понятия о совершенстве соединяются воедино? Восхищения, почтения и глубочайшего поклонения

[12] Примечательно, что в русском переводе В.А. Левшина, изданном в 1779 г., название этого раздела переводится как «вера». См.: *Спалдинг И.И.* Предопределение человека: Пер. *В.А. Левшина*. М., 1779. С. 41.

совсем не достаточно, чтобы выразить отношение, в котором я нахожусь к бесконечному духу. Но поскольку я так мало могу ему предоставить, я тем искреннее хочу ему это предоставить. Я не хочу приобщаться к столь отвратительному и чудовищному сумасшествию, как думать с равнодушием и пренебрежением о происхождении существ и совершенств. Я пугаюсь своей незначительности в неизмеримой природе и по отношению к еще более неизмеримой божественности. Этот солнечный вихрь есть песчинка. Эта Земля – пылинка, точка. А я на этой Земле – что есть я? – Хотя бы чем-то меня делает только то, что я могу ощущать порядок и в нем восходить к началу всякого порядка[13]. К такому величию я предназначен, и к нему я жажду постоянно приближаться. Я не хочу остановиться прежде, нежели я прослежу красоту до ее первоисточника. Тогда моя душа должна успокоиться. Тогда она должна, упоенная всеми своими способностями, удовлетворенная во всех своих вожделениях, насыщенная божественным светом и приведенная в восторг, забыть все низменное и себя самое в почтении и поклонении высшему божественному совершенству.

И здесь я познаю так же несомненно, что этот всем управляющий рассудок не мог бы иметь никакого иного намерения, кроме того, чтобы все вещи в их родах и в целом были бы хороши. На это направлены все законы, которые он заложил в них. На это нацелены все движения тел и изначальные влечения разумных существ. Величественное ощущение добра и зла, правоты и неправоты, которое я познал в себе, касается не в меньшей степени того, кто на все распространяет свое могущественное влияние. Итак, то, что говорит во мне, является божественным голосом, голосом вечной истины.

И так как я имею в лице моей совести такого почтенного учителя и законодателя, я тем более обязан быть внимателен к его речи, непрестанно раздающейся в глубине моей души, и повиноваться ей; однако в то же самое время я уверен, что та неизменная искренность, выказываемая мною в этом, является истинным путем к тому, чтобы в меру способности уподобиться прообразу порядка и понравиться ему. У меня нет ничего, что могло бы придать мне ценность, ничего, что могло бы привести меня в согласие с первоначальным устроением моей природы и замыслами верховного правления, кроме моей внутренней искренности. Это единственное основание благорасположения божества столь же вечно и неизменно, как и оно само.

[13] Ср.: KpV. A 288-289; КПР. С. 730.

Так же и моя жажда почестей не могла бы вознестись выше, чем если бы я понравился тому, от кого проистекает все доброе; если бы тот, кто все прозревает, кто одним взглядом охватывает все ощущения и движения в миллионах миров, если бы он, среди этого множества увидел и оценил так же и меня. Суждение целого мира для меня слишком ничтожны, чтобы я особо заботился об этом. Пусть одобрение других людей, благоволение великих, как и уважение ничтожных, не встают передо мной на царском пути[14] правды и справедливости, которым я должен идти один; они определенно не заслуживают того, чтобы я ради них хотя бы на шаг свернул с этой дороги. Ни один человек, со всей напыщенностью роскоши и гордости, не сможет своим одобрением придать мне ценность, так как он сам не имеет иной ценности, как только в меру того, что он честен и направляется вместе со мной ровно к той же вечной регулярности права и порядка. Я буду достаточно велик, если не впаду в немилость правителя универсума.

В той же самой мере, в какой это делает меня великим, это делает меня и умиротворенным. Дух, который печется обо всем, будет печься также и обо мне. Он, чья мудрость и доброта везде столь явно себя обнаруживают, не позволит произойти ничему, что не подобало бы ему и не исцеляло бы его творения. Только лишь в его длани находится моя судьба, и если я не сделаю себя через свое отступничество от неизменных предписаний истинного и доброго непригодным для счастливых действий его заботы, если судья, которого он во мне назначил, не проклянет меня, то ничто из того, что кажется мне отвратительным, не сможет мне по-настоящему навредить.

И все же все в мире для меня загадка. Я вижу поверхности вещей, но их внутренние свойства ускользают от моего взора, как и от моего размышления[15]. Возможно, длительнейшие и усерднейшие исследования научают меня не более, чем только искусственным и вряд ли удачным домыслам. Здесь все простирается в бесконечное; в том числе и правление миром. Все запутывает меня; все заставляет меня сомневаться. – Но что я еще должен знать, когда я с несомненным убеждением познаю мою вину и господство бесконечной любви?

---

[14] Ср. со словами Эвклида о царском пути к геометрии: *Прокл.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение: Пер. с древнегреч. *Ю.А. Шичалина.* М., 1994. С. 167. Ср. также: *Тетенс И.Н.* О всеобщей спекулятивной философии: Пер. с нем. *А.Н. Круглова.* М., 2013. С. 124; KrV. B XI; КЧР. С. 15; *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа: Пер. с нем. *Г.Г. Шпета.* М., 1959. С. 38.

[15] Ср. с кантовской «вещью в себе» (Ding an sich).

Только лишь они, в конце концов, заслуживают того, чтобы здесь закончить все прочие исследования. Поэтому я не желаю позволить себе быть неприятно пораженным, если попаду в обстоятельства, следствия и развитие которых я не предугадываю. Я желаю только никогда не упускать из виду свою великую цель и повиноваться с неизменной стойкостью тому, кто управляет всем по своей воле и чья воля всегда добра. Руководимый его попечением (Fürsicht), я буду благополучно проведен сквозь все страшнейшие неурядицы жизни и все те темноты, которые меня, возможно, сейчас окружают и озадачивают, в конце концов, однажды обратятся в свет и радость.

Но когда же это случится? – Я снова и снова прослеживаю в этой жизни судьбы до самого их конца и я не вижу, чтобы узел развязывался. Только смерть обрывает здесь притеснение добродетели, а там – горделивое счастье грешника. – Это противоречит всем моим ожиданиям, основывавшимся на понятиях о порядке. Могут ли тогда неизменные правила справедливости допустить, чтобы у души, которая такова, каковой она должна быть, некая злая власть навсегда похитила, ослабила или испортила естественные счастливые последствия ее внутренней правоты, которые были бы ей иначе достаточны для награды? Приличествует ли, чтобы праведная душа, единственно заслуживающая быть счастливой, всю жизнь была бы добычей зла, игрой несправедливых преследований? Чтобы невинность и право проклинались? Чтобы добродетель изнемогала от голода, холода и презрения и часто в страданиях и муках находила бы свое последнее пристанище от рук свирепого палача по приказу еще более свирепого тирана? И чтобы, напротив, вероломство и кровожадность, стяжая наслаждения и выгоды этой жизни, совсем не осознавали, чем в сущности является отступление от того, что вечно правильно, и восставание против законов всеобщего правления? – Соразмерность и согласие здесь пропадают; а мое понятие о некоем господствующем порядке совершенно запутывается.

[Бессмертие]

Нет! Не возможно, что мир будет управляться так, как он управляется. Так как необходимо должно существовать лучшее отношение между вещами, я должен искать его во всей ясности вне этой жизни[16]. Должно наступить время, когда каждый получит то, что ему причита-

[16] Ср.: KrV. B 839 / A 811; КЧР. С. 475.

ется; когда все, что здесь смещено и кажется находящимся не на своем месте, обратится к надлежащей ему судьбе и на ему подобающее место; когда наиболее подобающее возмещение произойдет в бесконечном разнообразии степеней, от одного самого крайнего конца до другого, и все будет устанавливаться в наисовершеннейших пропорциях. Здесь есть некий вид дисгармонии, который бесспорно был бы ошибкой, если бы затем не разрешался в неком совершенном согласии.

Таким образом мне открывается взгляд в будущее, дающий моей до сих пор словно бы запертой и мрачной душе так много воздуха и свободы, обещающий мне полное прояснение всех тех темных мест в замысле, согласно которому управляется мир, и делающий для меня весь объем опеки бесконечно достойнее и величественнее. Итак, я спокойно ожидаю пока отдаленное следствие времен, которое будет являться полным урожаем от сегодняшнего посева, оправдает посредством всеобщего правильного воздаяния управляющую целым мудрость.

Кажется, что задатки для этого совершенно отчетливо заложены в мою природу. Я чувствую в себе потенции, которые способны к бесконечному возрастанию и которые могут выражаться не в меньшей степени и вне связи с этим телом. Должна ли моя способность по распознаванию и любви истинного и доброго прекратиться тогда, когда либо посредством как раз упражнения ей подобало гораздо быстрее возвыситься до большего совершенства, либо если она едва ли начала развиваться и приходить в движение?[17] Это было бы слишком напрасным в установлениях бесконечной мудрости.

Так как я убежден теперь, что великий творец всех вещей, который всегда действует по строжайшим правилам и в соответствии с благороднейшими намерениями, не может сам желать меня уничтожить, я полагаю, что могу не бояться любого иного разрушения. Мое собственное внутреннее состояние утверждает меня в этом. Когда я обращаю внимание на себя, я нахожу, что я в самом точном смысле есьм *единое*. Те члены, которые составляют мои органы, – это не *Я*; они, по моему отчетливому ощущению, отличаются от *меня*. *Я* есьм собственно тем, что имеет во мне представления, судит, решает; и это

[17] В более поздних изданиях Шпальдинг выразил эту мысль гораздо понятнее, нежели в первом издании, что учитывалось при переводе; ср., например: *Spalding J.J.* Die Bestimmung des Menschen nebst einigen Zugaben. Leipzig, 1794. S. 139.

Я совершенно точно не является чем-то заключающимся во многих или в разных вне друг друга находящихся частях. *Я*, который чувствует впечатление от света, являюсь *все тем же самым*, который в то же время ощущает теплоту воздуха, запах цветов, звук со мной говорящего, который сравнивает эти ощущения между собой и предпочитает одно другому. Я слишком ясно осознаю, что это не мои многие, из которых у этого одно впечатление, у того – другое, которые как-то друг с другом сообщаются, и что это *Я*, таким образом, не может быть составленным из нескольких частей. Правда, я не знаю, как с этим в дальнейшем собственно обстоит дело; однако же я знаю столь же мало, существуют ли внешние, делимые, телесные вещи, о которых у меня есть представления, и чем они являются. По меньшей мере, сам себе я лучше известен, чем все это, и поэтому я могу с разумной достоверностью заключить из предыдущего, что то, чем *я* собственно являюсь, не необходимо должно быть подвержено уничтожению, пожирающему мою плоть.

Насколько же сильно только не возвысятся через это великое ожидание моя ценность и мое назначение. Напротив, я осознаю, что я отношусь к совершенно иному классу вещей, чем те, которые возникают перед моими глазами, изменяясь и исчезая; и что эта видимая жизнь не исчерпывает всей цели моего существования. Я создан для иной жизни. Настоящее есть лишь начало моего существования; это мое раннее детство, в котором я воспитываюсь для вечности; дни подготовки, которые должны сделать меня приспособленным к новому и благородному состоянию.

Исходя из этого понятия о моей истинной и целостной жизни, я желаю научиться правильно оценивать настоящее. Я никогда не хочу позабыть того отношения, в котором эти считанные дни находятся к вечности, которую я должен прожить. Благие и дурные происшествия настоящего мира теряют в моих глазах весь их вес, когда я рассматриваю их с этой стороны. Престиж, слава, власть, победы и короны – лишь короткая игра человеческого тщеславия и по крайней мере после смерти суть ничто. Должен ли я настолько унижаться, чтобы сделать нечто подобное предметом моего подлинного почтения? Такой ничтожной все-таки не является моя душа, существование и ощущения которой распространяются намного дальше. Через десять тысяч лет все эти вещи не будут мне больше придавать ни достоинства, ни удовольствия, и я был бы очень счастлив, если бы мог вспоминать об этом с таким же удовлетворением и без стыда, как сейчас, во время моего детства.

Но что тогда, из этого же основания, неприятности этой жизни? Должен ли я быть в отчаянии от неудобств короткого пути, ведущего меня к моему высшему отечеству, к тому царству света и истины, где я при ближайшем созерцании и наслаждении изначальной добротой, вечно чувствуя чистейшую радость, обрету достойное вознаграждение за то, что я здесь претерпел без вины.

Я вижу, сколь многое зависит для меня от того, что я сохраняю в себе эту мысль. Итак, я хочу привыкнуть постоянно рассматривать вечность и настоящую жизнь как одно целое, связывать во всех моих поступках одно с другим, о каждой вещи всегда думать так, как я должен буду думать о ней в будущем мире и в последние мгновения настоящей жизни, и никогда не забывать, что праведность и порядочная душа должно быть единственное, что имеет в обоих равную ценность.

Я надеюсь, что это мало-помалу приведет меня к состоянию, в котором я смогу следить за переменами и случайностями этого мира с непоколебимым духом, без страха и алчности. Тогда я не буду больше иметь право гарантировать, что мнимые добро и зло производят во мне более живые впечатления, чем они того заслуживают. Я дам тем самым моей жизни определенную устойчивость и монотонность и буду всегда ровен по отношению к себе. Дни этой временности я проведу с удовлетворением и с радостью их закончу. Я постоянно особым образом готов к этому последнему шагу. Я вспоминаю о моем уходе с этой сцены жизни, как о вещи, к которой я могу быть призван сей же час, и я ничего не теряю при этой, в противном случае, столь страшной мысли. Состояние, в котором находятся люди, которым никогда не приходила в голову мысль об этой величественной и неминуемой перемене без того, чтобы не заставить их дрожать, без сомнения, печально и заслуживает сострадания. Поэтому я также посчитал достойным моей величайшей заботы подняться над этим жалким положением; и это мне удалось. Все мое устроение некогда было создано так, что все мои удовольствия совершенно спокойно уживаются с представлением о смерти. Это представление не может больше нарушить мой покой и радость, так как сама смерть ничего не найдет для разрушения в моем счастье, но скорее должна обязательно его увеличить во всех его существенных частях.

Такое благородное и важное влияние этой величественной перспективы моего будущего предназначения на все устроение моей души и моего поведения послужило бы причиной тому, что я насколько

это возможно, остерегался бы считать ее ложной, даже если это могло бы быть так. Слишком много для меня зависит от того, чтобы она была истинной. И таким образом я желаю все больше наполнять всю мою душу утешительным представлением, что я должен жить еще и в другом состоянии, в котором я в соответствии с природой вещей и благим правлением наивысшей мудрости не могу ожидать ничего, кроме добра; что я однажды, после полного освобождения от глупостей и забот этой жизни, соединюсь навечно с источником совершенств, буду чисто и безмятежно наслаждаться сладостным удовольствием от правильных склонностей и так тем более достигну великой цели, к которой я определен моей природой и моим создателем, а именно быть праведным и в праведности быть счастливым.

Omnium, quae in hominum doctorum disputatione versantur, nihil est profecto praestabilius, quam plane intelligi, nos ad justitiam esse natos[18].

Cicero

Перевод с немецкого и примечания Л.Э. Крыштоп, под ред. А.Н. Круглова

[18] «Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости» (*Cicero*. De legibus I, 28). Перевод по изданию: *Цицерон М. Т.* Диалоги: Пер. с лат. *В.О. Горенштейна*. М., 1994. С. 98).